Яркий пример: активное разрушение в США на законодательном уровне половых различий в угоду непомерно раздуваемым правам личности на гендерное самоопределение.

Глобализационная стратегия по-прежнему заключается в луковом стремлении навязать ценности, нормы жизни, в том числе и правовые, европейско-американской цивилизации в качестве общечеловеческих всем остальным народам. Если говорить о глобализации, то это объективный процесс, который уже невозможно повернуть вспять. Мир действительно стал единым, особенно этому способствовал интернет. Хотим мы того или нет, процесс культурного усреднения необратим. Другое дело — глобализм, разрушительная насильственная стратегия насаждения американско-европейской культурной матрицы в качестве универсальной. Ее западные инициаторы и вдохновители не приемлют никаких альтернатив, кроме однополярного мира. О глобалистской стратегии говорили еще во второй половине XIX века русские философы Н. Данилевский и К. Леонтьев. А в современной истории западную культурную агрессию детально описал С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций?». Гарвардский профессор предсказал и три возможных варианта реакции других цивилизаций на ассимиляционную стратегию: самый лучший путь — модернизироваться, но не вестернизироваться (по этому пути идет Китай), второй путь — достойный, но чрезвычайно трудный, почти самоубийственный — сохранять традиционные ценности, коллективную историческую память ценой изоляции, жить с клеймом страны-изгоя (Северная Корея); третий путь — предательский, капитулянтский: «вскочить на подножку поезда», то есть некритично принимать европейско-американские ценности и стандарты жизни. В 90-е годы XX века С. Хантингтон был убежден, что по этому пути пошла наша страна¹. Но за четверть века многое изменилось. Сегодня на подъеме тема патриотизма, сохранения национальных традиций. Очевидно стремление возвысить национальную правовую систему над международной. Нет сомнений, что активное противодействие глобализму есть единственный путь сохранения коллективно-исторической памяти российской цивилизации.

Денисова Любовь Владиленовна,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России

Науки о праве в системе гуманитарного знания

Юриспруденция представляет собой систему наук, в которых производится изучение разнообразных аспектов функционирования правовой реальности. В фокус внимания юридических наук попадают юридически значимые факты, особенности правоотношений, правоприменительная и правотворческая деятельность. Спектр изучаемых областей можно продолжать и далее. В науковедческом контексте юриспруденция относится к классу социально-гуманитарных наук, которые обрели свою научную идентичность сравнительно недавно и характеризуются большим разнообразием методологических приемов и техник.

История юриспруденции часто выводится из развития философских учений о праве и государственном устройстве, а потому исходным пунктом ее появления как науки считают древнегреческую мудрость. «Не вызывает особых сомнений соображение о том, что юриспруденция как теоретическая наука гуманитарного цикла начинает складываться именно в античный период истории из повседневной практики применения «живого» обычного права», — резюмирует И. В. Галкин². Однако уже в момент своего появления юридическое знание было, с одной стороны, знанием философским, то есть в современной классификации — это была философия права, а с другой — чисто практическим, рецептурным, привязанным к решению определенных юридических коллизий, возникающих в повседневной жизни. Эта поляризация в юридической науке сохранялась на протяжении всей ее истории и остается актуальной до настоящего времени.

В этой своей специфике юридическая наука должна была в первом случае решать задачи демаркации с философией (в части развития теоретико-правовых концепций), а в эпоху развития

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.

² Галкин И. В. Методологические особенности античной юриспруденции // Lex russica (Русский закон). 2017. № 8 (129). С. 195.

социологии — еще и с социологией. В противоположной части своего проблемного поля юридическая наука должна была отделиться от техники правотворчества, правоприменения и других действий юридического характера, которые можно рассматривать как юридические факты (разновидность социальных фактов по Э. Дюркгейму, или социальных действий в терминологии М. Вебера). Эти фактологические сведения были и остаются эмпирическим базисом для получения нового знания, но сами по себе они еще не могут быть квалифицированы как знания научные. Последние появляются с формированием теории или, хотя бы, как выразился К. Поппер, чего-то похожего на нее. Когда же можно говорить о появлении собственно теоретического уровня знаний в юриспруденции, такого, которое не сливается уже с философскими концепциями, а содержит именно юридические теоретические конструкты и способно формировать объяснительные схемы в отдельных отраслях права?

В эпоху античности в сфере права уже сложился огромный пласт знаний, включавший инструментарий различных систем обычного права и развивающихся специализированных систем права (частного, публичного и т. д.). Но самое главное, как в Римской империи, так и на территориях, оставшихся после ее падения, наблюдалось параллельное действие разных систем. Взаимопереплетение этих систем составляло, вплоть до позднего средневековья, большую проблему в реальной жизни. «Общеизвестен партикуляризм права в средневековых государствах, где в границах одного государства одновременно действовало несколько правовых систем: королевское право, обычное, городское, ленное, торговое, морское, каноническое. Но вместе с тем было и нечто общее, пусть и не объединяющее, но создающее почву для будущей единой правовой системы Европы, — это реципированное римское право», — отмечает В. Б. Романовская¹.

В эпохи позднего средневековья и затем Возрождения происходит, на наш взгляд, формирование собственно теоретического фундамента юридической науки, отдельного от философско-правового основания и заключающегося в выделении идеализированных объектов, систематизации понятийного аппарата, классификации основных юридических концептов. Эту чисто теоретическую работу начали глоссаторы Болонского университета, приступившие к комментированию Дигест Юстиниана и нашедшие в них «*ratiocripta*, писанный разум, тонко разработанную дедуктивную систему, которая опирается на универсальные справедливые принципы»². Деятельность Ирнерия была продолжением практики, сложившейся и в более ранних юридических школах, возникших еще в раннем средневековье в Риме, Бейруте, Карфагене, Константинополе. Слабо мерцавшая, но не прерывавшаяся традиция теоретического осмысления правовых явлений была продолжена с новой силой и энергией в средневековых европейских университетах. Следует добавить, что Дигесты (Пандекты) — собрание мнений древнеримских юристов по различным законодательным вопросам — стали важным источником и энергетическим импульсом научного теоретизирования. Таким образом, развернувшуюся в Болонье деятельность Ирнерия и его учеников по праву можно оценить, как «первую научную революцию» в юриспруденции, положившую начало возникновению подлинной науки о праве. «Случайное открытие старых римских рукописей в одной итальянской библиотеке в конце XI века... повлекло за собой такие масштабные последствия, о которых в те времена не могли бы помыслить самые смелые умы»³.

Использование логических методов и герменевтических приемов послужило методологическому самоопределению юриспруденции. Большинство современных теоретических учений в специализированных отраслях юридической науки (цивилистике, науках уголовного права, административного права и других) опираются на техники толкования норм, сложившиеся в далеком средневековье и относящие юриспруденцию к числу «лингвоинтенсивных специальностей»⁴. К сожалению, этот факт самоопределения юриспруденции в ее близости филологическим наукам до сих пор плохо воспринимается в научно-исследовательской институциональности, но этому имеются, на наш взгляд, свои исторические причины, которые должны стать вопросом отдельного исследования.

¹ Романовская В. Б. Период высокого средневековья в Европе – век инноваций в юридическом образовании // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2013. № 3 (2). С. 174.

² Синченко Г. Ч. Парадокс правоблудителя. Философско-правовые эссе. Омск. 2010. С. 99.

³ Романовская В. Б. Период высокого средневековья в Европе – век инноваций в юридическом образовании // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 3 (2). С. 174.

⁴ Славова Н. А. Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2019. № 2. Т. 1. С. 25.